

УДК 342.7:34.037

**СУБСИДИАРНЫЙ ПОДХОД ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ,
СВОБОД И ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ****канд. юрид. наук, доц. Н.Ю. ВЕСЕЛОВ****(Криворожский факультет Национального университета «Одесская юридическая академия»)**

В юридической науке институт прав ребенка представлен широкой палитрой разнообразных исследований. В зависимости от характера регулирования ювенальных отношений выделяют три традиционно сложившиеся ювенально-правовые метадоктрины – патерналистская, протекционистская и автономистская. На сегодня в научном кругу можно выделить сторонников двух подходов в определении феномена прав ребенка и их обеспечения – автономистского (ребенок признается самостоятельным субъектом общественных отношений) и протекционистского (будто бы ребенок рассматривается как объект воздействия и защиты, а не как субъект правовых отношений). Научный поиск в рамках исследования позволил взглянуть на феномен прав ребенка не только как на естественно предоставленную способность иметь права и свободы, но и как на сформированную систему их обеспечения. Такое обеспечение в концептуальном понимании должно строиться исходя из принципа «субсидиарности», который предусматривает режим сбалансированного правового регулирования и влияния или вмешательства государства и общества в ювенальные отношения.

Ключевые слова: дети, права ребенка, свободы ребенка, интересы ребенка, обеспечение прав, субсидиарный подход.

Введение. Процесс продолжения рода для человека уже давно перестал быть сугубо биологическим вопросом, получив черты философской, социально-культурной и правовой окраски. Ребенок в современном обществе является объектом повышенного внимания и заботы со стороны родителей, общества, государства и, наконец, международного сообщества. На международном уровне – во Всеобщей декларации прав человека, Декларации о правах ребенка и других международно-правовых актах – делается акцент на особой заботе в отношении ребенка (ввиду его физической и умственной незрелости), включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после его рождения. В социально-правовой сфере научный и прикладной интерес к детству как к части человеческой жизни обуславливается не только необходимостью поддержки и защиты ребенка в этот уязвимый период, но и с точки зрения перспективы формирования его возможного социального поведения в дальнейшем, после взросления. Природные и социокультурные особенности детства (невинность, уязвимость, зависимость от взрослого, любознательность, энергичность, нацеленность на будущее) требуют специфического правового регулирования отношений, участниками которых выступают дети, и отношений, объектом которых являются условия выживания и развития ребенка [1, с. 411].

В юридической науке институт прав ребенка и их обеспечения представлен широким кругом разнообразных исследований. В зависимости от характера регулирования ювенальных отношений выделяется три традиционно сложившиеся ювенально-правовые метадоктрины: патерналистская, протекционистская и автономистская [2, с. 27]. Этот вопрос в том или ином аспекте исследован рядом ученых: О.И. Боднарчук, В.А. Дергуновой, И.А. Дубровской, Т.Г. Корж-Икаевой, С.П. Коталейчуком, И.И. Котляром, Н.Н. Крестовской, Э.Б. Мельниковой, А.А. Навроцким, Т.Ю. Новиковой, Н.М. Опольской, Н.В. Ортинской, Ж.В. Петрочко, Т.А. Смагиной, Е.П. Филипенко, О.А. Шульц, М.Э. Ясеновской, Е.Н. Ярмоц и др. Сегодня в научном кругу, в том числе и среди приведенных ученых, можно выделить сторонников двух основных подходов в определении феномена прав ребенка и их обеспечения – автономистского (ребенок признается самостоятельным субъектом общественных отношений) и протекционистского (ребенок рассматривается как объект воздействия и защиты, а не как субъект правовых отношений).

Целью данной работы выступает решение теоретических противоречий относительно превалирования одной из метадоктрин видения прав детей исходя из прикладного аспекта их обеспечения в современных условиях. Предполагается выдвинуть новый концептуальный подход обеспечения прав детей, актуальный на данный период.

Основная часть. В своих научных трудах Н.Н. Крестовская последовательно отмечает, что в современной теории прав ребенка утверждается принцип автономии его личности. По данному принципу ребенок признается самостоятельным субъектом общественных отношений, не является ни «взрослым в миниатюре», ни собственностью взрослых и государства [1, с. 411]. Истоки указанного подхода, по мнению Н.Н. Крестовской, находятся в Конвенции о правах ребенка. Исходя из этого принципа, она поддерживает международный вектор на обеспечение участия ребенка во всех правовых действиях, которые его касаются, что, среди прочего, означает привлечение подрастающего поколения даже к участию в реализации ювенальной политики. Наконец, Н.Н. Крестовская делает вывод, что на современном этапе развития общественных отношений встал вопрос о превращении ребенка из объекта защиты и охраны со стороны семьи, общества, государства в активного участника жизни гражданского общества

во всех его положительных проявлениях [2, с. 24]. Вместе с тем М.Э. Ясеновская [3] отмечает, что государственные институты до сих пор придерживаются объектного подхода, когда ребенок рассматривается как объект воздействия и защиты, а не как субъект правовых отношений.

Под правами ребенка А.А. Навроцкий предлагает понимать предусмотренные нормами действующего законодательства и гарантированные государственным влиянием возможности «самостоятельно» совершать действия, направленные на создание условий для его полноценной жизнедеятельности, для достижения благ во всех сферах общественной жизни, а также требовать обязательного совершения таких действий третьими лицами или государством в случаях, предусмотренных законом. Полноценная жизнедеятельность и благосостояние являются центральными сущностными характеристиками содержательного наполнения прав ребенка, и именно социальные условия благосостояния предполагают, что у него есть все возможности для удовлетворения потребностей его всестороннего развития [4, с. 398].

Другой автор, Е.П. Филиппенко, высказывает мнение, что права детей можно определить как равные для всех возможности реализации своих потребностей, необходимых для нормального существования и развития индивида в конкретно-исторических условиях... [5, с. 8–9]. В ходе анализа данных определений возникает вопрос, какое смысловое наполнение вкладывают авторы в такие словесные обороты, как «равные для всех возможности реализации своих потребностей» (Е.П. Филиппенко) или «возможности самостоятельно совершать действия» (А.А. Навроцкий)? Если речь идет о равных возможностях детей и взрослых, то насколько эти формулировки являются универсальными и объективными?

Рассматривая права ребенка в системе прав человека, И.И. Котляр вообще отрицает высказываемые гипотезы об их самостоятельности и первичности относительно структуры прав человека. Он называет такой подход не научным, а крайностью, в основе которой лежит абсолютизация факта большего внимания государства к проблемам прав ребенка, чем к правам человека, и отсутствие научной концепции [6, с. 154].

В решениях Европейского суда по правам человека, на примерах дел «Бацанина против России» (№ 8927/02, 26.05.2009 г.), «Менчинская против Российской Федерации» (№ 42454/02, 15.01.2009 г.), относительно принципа равенства процессуальных возможностей сторон в судопроизводстве отмечается, что он требует «справедливого баланса между сторонами по делу, при том что каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность представить суду свою позицию по делу в условиях, не ставящих сторону в существенно невыгодное положение по сравнению с ее процессуальным оппонентом».

Исходя из изложенного и в контексте указанных дел, высказывалось мнение об участии прокурора в гражданском судопроизводстве, которое может быть оправдано при определенных обстоятельствах, но «такое участие должно быть сведено к исключительным случаям и должно использоваться для защиты прав групп уязвимых людей – детей, инвалидов и т.д., которые не в состоянии сами защищать свои интересы» [7; 8, с. 11].

Объясняя введение специализации в адвокатской деятельности по спорам, затрагивающим права и интересы детей, В.А. Дергунова обосновывает это статусом ребенка как особого субъекта семейных отношений, в частности ограниченной процессуальной дееспособностью ребенка и отсутствием у нее реального доступа к правосудию [9, с. 12].

Анализируя правовую природу субъективных прав, Е.И. Харитонова отмечает, что они зависят от характера правоотношений, в частности от того, являются ли они частноправовыми или публично-правовыми, а соответственно и от того, каков подход к правовому регулированию данных отношений. Частноправовой подход основывается на признании природных, неотчуждаемых прав личности, которые не создаются, а только признаются и подтверждаются нормами позитивного права (примером тому может служить определение правосубъектности в гражданско-правовых отношениях – «Способность иметь гражданские права и обязанности (гражданскую правоспособность) имеют все физические лица. Гражданская правоспособность физического лица возникает в момент его рождения» (ст. 25 Гражданского кодекса Украины (далее – ГКУ) – *В. Н.*). Публично-правовой подход основывается на том, что государство не признает, а создает права личности, наделяя ими отдельных граждан и определяя тем самым объем правоспособности. Такой объем потенциальных субъективных прав любого и каждого может быть увеличен или уменьшен на усмотрение самого государства [10, с. 17].

Несмотря на равную способность взрослого или ребенка иметь права, их фактическое создание или реализация может осуществляться только в пределах наделенной дееспособности субъекта. Возможность лица самостоятельно и рационально реализовывать принадлежащие ему субъективные права и нести обязанности тесно связана с умственными способностями и волевыми качествами, которые человек приобретает с возрастом и жизненным опытом (начиная с детского периода). Исходя из этого, правовые нормы в различных отраслях права предусматривают процесс постепенной адаптации человека к различным проявлениям полноценной жизни в социально-правовом смысле. Например, согласно статье 30 ГКУ полную гражданскую дееспособность имеет физическое лицо, которое осознает значение своих действий и может руководить ими. В статье 2 Семейного кодекса Украины (далее – СКУ) ребенок самостоятельно упоминается среди участников семейных отношений. Впрочем, если касательно взрослых участников правоотношений (женщины и мужчины) закон говорит, что они имеют равные права

и обязанности в семейных отношениях, то относительно ребенка содержит формулировку: «ребенок должен быть обеспечен возможностью осуществления его прав ...» (ч. 7, ст. 7 СКУ).

Вполне справедливо Т.Ю. Новикова отмечает тот факт, что несовершеннолетние являются самым социально незащищенным, зависимым слоем населения, в силу психологических и возрастных особенностей не знают своих прав или не могут самостоятельно их защитить. Ребенок из-за недостаточно развитого сознания и отсутствия жизненного опыта чаще вступает в фактические, нежели в общественные отношения [11]. В этом же контексте целесообразно выделить некоторые характерные черты социального статуса несовершеннолетних, которые приводит в своем исследовании Н.В. Ортинская: «... 6) отсутствие сложившейся мировоззренческой позиции; 7) большая зависимость (по сравнению со взрослыми) от социального окружения, в первую очередь – семьи, коллектива, друзей; 8) необходимость надзора и опеки; 9) потребность в материальной, моральной, социально-психологической поддержке и сопровождении; 10) неадаптированность к самостоятельным общественным отношениям в результате незащищенности от негативного внешнего воздействия, вероятности легко стать субъектом преступного посягательства и наличия повышенной виктимности» [12, с. 12–13]. Это дает основания утверждать, что возможности детей и взрослых самостоятельно реализовывать свои нужды ни с биологической (психофизиологической), ни с социально-правовой позиции не являются равными. Даже для детей разного возраста такие возможности будут иметь существенные различия, что обуславливает существование в различных отраслях законодательства таких понятий, как частичная или полная гражданская дееспособность физического лица; общий и минимальный возраст уголовной ответственности; возраст административной ответственности, брачный возраст и право на брак и т.п.

Процесс трансформации «способности» ребенка иметь права и «возможность» их фактического воплощения или соблюдения другими субъектами права становится реальным при условии объективации таких природных прав в нормах-гарантиях и нормах, создающих механизмы их обеспечения (охраны, защиты). Особенно остро это ощущается в условиях вооруженных конфликтов, во время политических или экономических кризисов в стране (на макросоциальном уровне), или в отдельно взятых «неблагонадежных» семьях (на микросоциальном уровне) и т.д.

С учетом изложенного, более объективными, на наш взгляд, являются определения феномена «прав ребенка» таких авторов, как О.И. Бондарчук, Т.Г. Корж-Икаевой, С.П. Коталейчука, Т.Ю. Новиковой, Н.М. Опольской, Ж.В. Петрочко, Т.А. Смагиной, О.А. Шульц, исследование которых по ключевым признакам можно отнести к протекционистской доктрине.

Концепт прав ребенка Ж.В. Петрочко также рассматривает через сущностное поле понятия прав человека. В то же время детство как период взросления человека характеризуется специфическими чертами, влияющими на определение и осмысление прав представителей этой возрастной группы, и Ж.В. Петрочко предлагает по-иному взглянуть на права ребенка, а именно не только как на возможность иметь и распоряжаться материальными, культурными и социальными благами, пользоваться основными свободами в установленных законом пределах, обеспечивающими ребенку полноценное функционирование, а как на гарантированные государством возможности удовлетворения потребностей, позволяющие ребенку развиваться в соответствии с возрастом и индивидуальными задатками. Указанным автором доказано, что потребности как смысловое ядро и внутреннее повеление обуславливают силу и действительность права. Следовательно, с точки зрения социальной педагогики основа обеспечения прав ребенка – прежде всего выявление его потребностей, без удовлетворения которых не оптимизируется социализация подрастающей личности [13, с. 12–13].

Под правами и свободами несовершеннолетнего как объекта административно-правового обеспечения Т.Г. Корж-Икаева понимает закрепленные в Конституции Украины и гарантированные государством возможности поведения и развития несовершеннолетнего с учетом его индивидуальных потребностей и социальных интересов общества в соответствии с действующим национальным законодательством и международным правом [14, с. 9]. Приведенное в исследовании С.П. Коталейчука обоснование отсутствия у несовершеннолетних основных политических прав из-за фактической невозможности их реализовывать самостоятельно (участвовать в выборах, быть избранными в органы государственной власти) явно демонстрирует зависимость реализации прав ребенка от внешних факторов [15, с. 9–10].

Из предложенной О.И. Бондарчук классификации прав несовершеннолетних также наглядно прослеживается характерная черта зависимости прав ребенка от их внешнего обеспечения, а именно: 1) права защиты детей, к которым относятся частные права (право на родной язык, принадлежность к определенной религии и культуре, право на жизнь и развитие, собственное мнение, любовь и заботу и т.д.); 2) права обеспечения детей, к которым относятся социально-культурные права (право на образование, на здравоохранение, на отдых и досуг, на социальное обеспечение и т.п.); 3) дополнительные права, к которым относятся особые права (забота о детях без семей; детях-инвалидах; детях, которые находятся в конфликте с законом, и детях-беженцах) [16, с. 7].

В представленных видениях сущности и содержания прав детей органично прослеживаются черты, которые присущи правам человека вообще (естественность; неотделимость, необходимость для нормального существования, всеобщность и равенство для каждого), но обязательно обращается внимание на зависимость их реализации от внешних факторов, а соответственно, обосновывается необходимость их гарантированности

государством и дополнительного обеспечения. При этом выводы указанных ученых не противоречат тому утверждению, что ребенок является субъектом правовых отношений. Считаем, что в этом смысле удачной является попытка дать определение правам ребенка со стороны О.А. Шульц: под ними следует понимать систему социальных, экономических, культурных и других возможностей, которые обусловлены особенностями физического, психологического и умственного развития ребенка, осуществляются в определенный период жизни человека – детства, исходят из принципов природного права, общечеловеческих ценностей, признанных в международном праве и национальном законодательстве, гарантируются государством, обществом, семьей и другими субъектами права и имеют особый режим и механизм их реализации и защиты [17, с. 95].

По мнению Н.М. Опольской, права ребенка – это те возможности удовлетворения потребностей и интересов ребенка, реализация которых является необходимым условием для его нормальной жизни и гармоничного развития, и осуществляются самим ребенком или с помощью других лиц. Объективность определения этих прав зависит от социально-экономического уровня развития общества и нормативной гарантированности государством. В подобной дефиниции и последующих выводах ученой (вместе с их обоснованием) мы видим своеобразный компромисс между принципом автономности личности ребенка, его самостоятельности в реализации прав и так называемым защитно-охранным подходом. Согласно утверждению Н.М. Опольской, права и свободы ребенка являются разными понятиями, ибо свободы ребенка являются его возможностью реализовывать личные потребности и интересы, обусловленные возрастными особенностями физического, интеллектуального, культурного развития. Отличие между правами и свободами ребенка, на ее взгляд, заключается в том, что большинством прав ребенок пользуется с рождения (право на жизнь, право на охрану здоровья и др.). А использовать законодательно закрепленные свободы ребенок до определенного возраста не может, поскольку их реализация требует определенного уровня интеллектуального развития [18, с. 11]. Вообще права и свободы ребенка имеют единую природу – и то и другое означает юридически признанную возможность для лица избирать вид и меру своего поведения. Отличие заключается лишь в наличии фактора внешнего содействия или, наоборот, невмешательства как условия их реализации. Понятие «свобода» в основном следует понимать как невмешательство во внутренний мир человека, а понятие «право» в большей степени связано с тем, что для его реализации необходимы положительные действия со стороны государства [19, с. 96]. Вполне справедливым является утверждение Н.М. Опольской касательно того, что свободы ребенка являются определенной, законодательно закрепленной сферой автономии ребенка, однако они не всегда признаются родителями, учителями, воспитателями. Кроме того, грань между правом родителей воспитывать ребенка и свободами ребенка на невмешательство в личную жизнь, свободу вероисповедания и т.д. является очень тонкой, поэтому этот вопрос сложно урегулировать на законодательном уровне [18, с. 11].

Государство (в лице уполномоченных государственных органов и должностных лиц) должно способствовать созданию лучших условий для самореализации ребенка, исходя из его психологических способностей и интересов в любом из его социальных окружений (семье, классе, коллективе и т.д.). В свою очередь, под влиянием таких социальных факторов, как неблагоприятные социально-экономические условия, асоциальный образ жизни ближайшего окружения ребенка, игнорирование взрослыми лицами природных задатков (в соответствии с физиологическим и психическим развитием) несовершеннолетнего индивида, в атмосфере вседозволенности и (или) бесконтрольности формируются негативные черты ребенка, что приводит к маргинализации личности, или фактическому формированию личности правонарушителя. Отсутствие доступа к осуществлению прав и законных интересов – основание для потери социально-полезных связей, в результате чего формируется собственная система ценностей, которая, как правило, глубоко индивидуализированная и не соответствует социальным нормам общества. Меняется поведение человека, формируется готовность к совершению правонарушений [20, с. 14].

Права и законные интересы ребенка как элемент его административно-правового статуса Т.А. Смагина характеризует определенными особенностями, что позволяет классифицировать их по двум основаниям: первое обусловлено субъективными и объективными факторами, определяющими поведение несовершеннолетнего и возможность получения и использования им конкретных прав и обязанностей (четыре группы факторов влияния: физические характеристики несовершеннолетнего, наличие у несовершеннолетнего родителей, имеющих особый статус, или отсутствия у несовершеннолетнего родителей по тем или иным причинам; совершение несовершеннолетним противоправного деяния; нахождение несовершеннолетнего в обстановке, создающей угрозу его правам и законным интересам); второе – конкретной сферой (отраслью), в которой несовершеннолетний реализует свои права и законные интересы. Ученый выделяет такие сферы, как образование, здравоохранение, культура [21, с. 14].

Интересы ребенка И.А. Дубровская определяет как субъективно обусловленную потребность ребенка в благоприятных условиях его существования. Такие потребности объективно зависят от его возраста, состояния развития. Между тем ребенок в силу присущих ему объективных и субъективных особенностей не всегда осознает свои интересы, поэтому их содержание определяется через характеристику действий его законных представителей, органов опеки и попечительства [22]. Кстати, заботясь о правах и интересах ребенка, государство может прибегать и к запретам, ограничениям или обязательствам, касающимся как детей, так и других физических или юридических лиц. Например, по украинскому законо-

дательству брачный возраст наступает вместе с совершеннолетием. Но по заявлению лица, достигшего 16 лет, по решению суда ему может быть предоставлено право на брак, если будет установлено, что это отвечает его интересам (ст. 23 СКУ). Независимо от желания ребенка, лиц моложе 18 лет запрещается привлекать к работе в ночное время (п. 1 ч. 1 ст. 55 Кодекса законов о труде Украины (далее – КЗоТ)), сверхурочным работам (п. 2 ч. 1 ст. 63 КЗоТ). Учреждениям, в которых осуществляется деятельность в сфере развлечений, или заведениям общественного питания запрещается допускать в такие места с 22.00 до 06.00 часов детей до 16 лет без сопровождения лиц, несущих за них персональную ответственность; запрещается пропаганда в средствах массовой информации культа насилия и жестокости, распространение порнографии и информации, презирующей человеческое достоинство и наносящей вред нравственному благополучию ребенка (ч. 1 ст. 20-1 и ч. 4 ст. 20 Закона Украины «Об охране детства»). Как считает Н.Т. Сопубекова, в условиях свободы информации такая свобода не должна превращаться во вседозволенность. Интересы борьбы с преступностью среди несовершеннолетних требуют установления прочных моральных и юридических заслонов на пути информационной агрессии и распушенности [23, с. 103]. В уголовном производстве в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовного преступления в возрасте до 18 лет, обеспечивается обязательное участие защитника (п. 1 ч. 2 ст. 52 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК)). В таком случае отказ (даже со стороны несовершеннолетнего) от защитника не принимается (ч. 3 ст. 54 УПК). Специфика целей и средств, применяемых к ребенку принудительных мер позволяет Н.Н. Крестовской сделать вывод о постепенном формировании отдельного вида юридической ответственности – ювенальной [2, с. 14], (которая должна учитывать особенности ребенка и предусматривать минимальное ограничение его прав – В. Н.).

Из сказанного можно сделать вывод, что в структуре «интересов ребенка» можно условно выделить его собственные намерения и желания, которые соответствуют уровню интеллектуального, культурного и социального развития ребенка (субъективные интересы) и объективные интересы – внешние правила, базирующиеся на основе нравственности, научных достижений в области медицины, психологии, педагогики, правоведения. Субъективные интересы ребенка могут воплощаться, например, в учете его личной привязанности к каждому из родителей при решении спора о месте жительства малолетнего ребенка (ч. 1 ст. 161 СКУ); праве ребенка, достигшего 14 лет, на обращение в суд с иском о лишении родительских прав (ч. 1 ст. 165 СКУ) и др. Примеры объективных интересов приведены абзацем выше. Несложно заметить, что субъективные интересы детей преимущественно закреплены и гарантируются в нормах частноправовых отраслей права, в то время как на обеспечении объективных интересов концентрируют внимание нормы публичного права (административного, уголовного). Таким образом, настоящий интерес ребенка предшествует правам и обязанностям независимо от того, находит ли он прямое закрепление в законодательстве или просто подлежит «правовой защите со стороны государства» [24, с. 49].

Научный поиск в рамках исследования позволил обратить внимание на феномен прав ребенка не только как на естественно предоставленную способность иметь права и свободы, которые обеспечивают детям полноценное существование и функционирование, но и как на сформированную социальными, политическими и экономическими процессами систему их обеспечения, закрепленную в нормах позитивного права. Установленная нами в исследовании разница во взглядах сторонников различных доктринальных подходов на содержание прав ребенка обусловлена лишь подходом к определению роли государства и других участников ювенальных правоотношений в обеспечении реализации возможностей детей с учетом субъективных и объективных интересов последних.

Как справедливо отмечает П. Наскоу-Перраки, «права человека требуют механизмов реализации; без контроля, реализация прав человека будет похожа на демократию без свободных выборов: пустое обещание» [25, с. 57–58]. Возрастная неадаптированность (неприспособленность) несовершеннолетних к меняющимся условиям жизни требует ее компенсации с помощью специальной, повышенной правовой защиты указанной категории лиц. Подобная защита, предусмотренная в законах, по убеждению Э.Б. Мельниковой, также считается неотъемлемым признаком юридического понятия «несовершеннолетнее лицо» [26, с. 7]. По мнению Н. Кантвелла, перечень прав ребенка более правильно рассматривать как «компиляцию обязанностей государства по отношению к детям». В этом смысле ученый выделяет непосредственные обязанности государств (начальное образование, надлежащая деятельность системы ювенальных (то есть детских) учреждений) и косвенные (помощь родителям в воспитании детей) [27, с. 378]. Это дает основания рассматривать обеспечение прав детей как отдельный институт правового регулирования и научного внимания.

Считаем, что на современном этапе развития рассматриваемой проблемы вопрос «обеспеченности», закрепленный в нормах позитивного права, является, и будет оставаться в дальнейшем обязательным компонентом социально-правового феномена прав детей. В контексте научного понимания феномена прав детей (с учетом различных метадоктрин) считаем, что его нельзя рассматривать отдельно от их (прав) обеспечения, которое в концептуальном понимании должно строиться исходя из принципа «субсидиарности».

В международном праве «субсидиарность» (лат. *«subsidium»* – помощь) – организационный и правовой принцип, согласно которому Европейское Сообщество (далее – ЕС) прибегает к любым мерам только в том случае, если они (учитывая масштабы или результаты предложенных мероприятий) эффективнее соответству-

ющих мер на национальном, региональном или местном уровнях. Принцип означает постоянный мониторинг обоснованности действий ЕС с точки зрения имеющихся возможностей на национальном, региональном и местном уровнях [28, ст. 5]. Воплощение этого принципа в учении католической церкви обусловлено угрозой чрезмерного доминирования общества над личностью. Согласно принципу субсидиарности, неоправданным является принятие сообществом на себя того, что человек может осуществить самостоятельно, а также поручение развитию субъекту того, что может выполнить менее развитый или расположенный ниже субъект [29, с. 93–94].

Заклучение. Итак, в нашем понимании субсидиарный подход в обеспечении прав и свобод детей должен предусматривать режим сбалансированного правового регулирования и влияния или вмешательства (через меры социального, экономического, правового, культурно-воспитательного и организационного характера) государственных органов и общества (местной общины) в ювенальные отношения, относительно создания или поддержания надлежащих условий жизнедеятельности и развития ребенка, охраны и защиты его прав и свобод, своевременной корреляции негативных факторов, влияющих на социализацию ребенка с тем, чтобы с возрастом он мог полностью возложить на себя обязанности в рамках общества как его полноценный член. Под ювенальными отношениями в указанном контексте понимаются отношения, одним из участников которых (непосредственным или через представителя) является ребенок.

Как отмечается в Руководящих принципах Организации Объединенных Наций для предотвращения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), утвержденных резолюцией Генеральной Ассамблеи № 45/112 от 14.12.1990 г., правительству следует принимать специальные законы и процедуры для содействия осуществлению и защите прав и благополучия детей и молодежи и обеспечивать их соблюдение (п. 52).

Воплощение субсидиарного подхода прослеживается в таких формах обеспечения прав детей, как ювенальная юстиция, ювенальная превенция, элементы которых сегодня активно внедряются в законодательство постсоветских стран: Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Украины, что обуславливает дальнейшие научные поиски в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестовська, Н.М. Сучасне розуміння прав дитини. Форум права [Електронний ресурс] / Н.М. Крестовська. – 2011. – № 3. – С. 409–413. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-3/11knmrdp.pdf>. – Дата доступа: 16.03.2019.
2. Крестовська, Н.М. Ювенальне право України: генезис та сучасний стан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н.М. Крестовська ; Одеська нац. юрид. акад. – Одеса, 2008. – 42 с.
3. Ясеновська, М. Права дитини. Огляд політики та законодавчих ініціатив / М. Ясеновська. – Режим доступа: <https://helsinki.org.ua/prava-dytyny-m-yasenovska-koalitsiya-prava-dytyny-v-ukrajini>. – Дата доступа: 19.03.2019.
4. Навроцький, О.О. Забезпечення прав дитини в Україні: теоретичні і практичні засади адміністративно-правового регулювання : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.07 / О.О. Навроцький ; Харківський нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2018. – 472 с.
5. Филипенко, Є.П. Охорона прав і свобод дітей органами внутрішніх справ: адміністративно-правові засади : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Є.П. Филипенко ; Міжнар. ун-т бізнесу і права. – Херсон, 2011. – 20 с.
6. Котляр, И.И. Права человека и высшая школа: концептуальные основы преподавания, изучения и воспитания, управленческие решения [Электронный ресурс] / И.И. Котляр. – Минск : Тесей, 2007. – 232 с. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1725244>. – Дата доступа: 21.03.2019.
7. Дело «Бацанина против России» за жалобой № 8927/02. Страсбург : постановление Европейского суда по правам человека от 26.05.2009 г. – Режим доступа: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a1/postanovlenie-espch-batsanina-protiv-rossii>. – Дата доступа: 18.03.2019.
8. Обзор судебной практики Европейского суда по правам человека: роль прокурора при рассмотрении дел, не относящихся к сфере уголовного права / Науч.-исслед. отдел. – Страсбург : Совет Европы; ЕСПЧ, 2013. – 52 с. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_prosecutor_RUS.pdf. – Дата доступа: 23.03.2019.
9. Дергунова, В.А. Теория и практика разрешения споров о детях в суде: опыт адвокатской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / В.А. Дергунова ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. – Москва, 2017. – 32 с.
10. Харитонова, О.И. Административно-правовые відносини: концептуальні засади та правова природа : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.07 / О.И. Харитонова ; Одеська нац. юрид. акад. – Одеса, 2004. – 35 с.
11. Новикова, Т.Ю. Административно-правовая организация защиты прав несовершеннолетних органами ювенальной юстиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.Ю. Новикова ; Хабаров. гос. техн. ун-т. – Хабаровск, 2003. – 191 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/administrativno-pravovaya-organizatsiya-zashchity-prav-nesovershennoletnikh-organami-yuvenal>. – Дата доступа: 23.03.2019.
12. Ортинська, Н.В. Правовий статус неповнолітніх: теоретико-правове дослідження : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н.В. Ортинська ; Нац. ун-т «Львівська політехніка». – Львів, 2017. – 39 с.

13. Петрочко, Ж.В. Теорія і практика соціально-педагогічного забезпечення прав дітей, які опинилися у складних життєвих обставинах : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.05 / Ж.В. Петрочко ; Ін-т проблем виховання НАПН України. – Київ, 2011. – 45 с.
14. Корж-Ікаєва, Т.Г. Адміністративно-правове забезпечення прав і свобод неповнолітніх : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Т.Г. Корж-Ікаєва ; Київський нац. ун-т внутр. справ. – Київ, 2008. – 19 с.
15. Коталейчук, С.П. Теоретико-правові проблеми правового статусу неповнолітніх в Україні та забезпечення його реалізації як один із основних напрямків діяльності міліції : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.П. Коталейчук ; Нац. акад. внутр. справ України. – Київ, 2004. – 19 с.
16. Боднарчук, О.І. Адміністративно-правове регулювання у сфері соціального захисту прав дітей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / О.І. Боднарчук ; Ун-т держ. фіскальної служби України. – Ірпінь, 2017. – 20 с.
17. Шульц, О.А. «Права дитини» як категорія сучасного конституційного права / О.А. Шульц // Часопис Київського університету права. – 2009. – № 3. – С. 91–96. – Режим доступу: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/22651/18-Shults.pdf?sequence=1>. – Дата доступу: 21.03.2019.
18. Опольська, Н.М. Правове забезпечення прав та свобод дитини в Україні (загальнотеоретичний аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.М. Опольська ; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – Київ, 2010. – 24 с.
19. Конституційне право України : підруч. ; за ред. В.П. Колісника та Ю.Г. Барабаша. – Х. : Право, 2008. – 416 с.
20. Скорик, В.О. Адміністративно-правові засади роботи міліції з маргінальними групами населення : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / В.О. Скорик ; Київський нац. ун-т внутр. справ. – Київ, 2009. – 21 с.
21. Смагина, Т.А. Административно-правовое регулирование прав и законных интересов несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.А. Смагина ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2012. – 28 с.
22. Дубровская, И.А. Права ребенка : пособие / И.А. Дубровская. – М. : ГроссМедиа, 2008. – 176 с.
23. Сопубекова, Н.Т. Система предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних: административно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Н.Т. Сопубекова ; Кыргыз. гос. юрид. акад. при Правительстве Кыргызской Республики. – Бишкек, 2016. – 181 с.
24. Автономов, А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность / А.С. Автономов. – М. : Либеральная миссия: Новое литературное обозрение, 2009. – 408 с.
25. Naskou-Perraki, P. An introduction to the international protection of human rights. Children and non-discrimination : interdisciplinary textbook ; ed. by D. Kutsar and H. Warming; Children's Rights Erasmus Academic Network. University Press of Estonia, 2014. – 256 p. – URL: https://resourcecentre.savethechildren.net/sites/default/files/documents/crean-english-for_homepage.pdf. – Дата доступу: 23.03.2019.
26. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие / Э.Б. Мельникова. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Дело, 2001. – 272 с.
27. Cantwell, N. The history, content, and impact of the Convention on the Rights of the Child / N. Cantwell. Understanding Children's Rights, Children's Rights Center, University of Chent. – Belgium, 1998. – 378 p.
28. Treaty establishing the European Community (Nice consolidated version) // Official Journal C 325, 24.12.2002. – P. 0033–0184. // Official Journal C 340, 10.11.1997. – P. 0173 – Consolidated version. – Режим доступу: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12002E%2FTXT>. – Дата доступу: 21.03.2019.
29. Мороз, В. Функціональні принципи соціального вчення Української греко-католицької церкви (1991–2011): історико-релігієзнавчий аналіз / В. Мороз // Схід. – 2014. – № 4 (130). – С. 92–96. – Режим: <https://www.academia.edu/8263219>. – Дата доступу: 23.03.2019.

Поступила 16.04.2019

SUBSIDIARY APPROACH TO ENSURING THE RIGHTS, FREEDOMS AND INTERESTS OF CHILDREN

N. VESELOV

In legal science, the Institute for the Rights of the Child is represented by a wide palette of diverse studies. Depending on the nature of the regulation of juvenile relations, three traditionally established juvenile-legal metadoctrines are distinguished – paternalistic, protectionist, and autonomist. Today, the scientific community can be divided into two main camps of supporters – the autonomist (the child is recognized as an independent subject of social relations) and protectionist (if the child is considered as an object of influence and protection, and not as a subject of legal relations) approaches in determining the phenomenon of the rights of the child and their provision. The scientific search within the framework of the research allowed to look at the phenomenon of the rights of the child, not only as the naturally granted ability to have rights and freedoms, but also as a formed system of their provision. Such a provision, in conceptual understanding, should be based on the principle of “subsidiarity”, which provides for a regime of balanced legal regulation and the influence or interference of the state and society in juvenile relations.

Keywords: *children, child rights, child freedoms, child interests, ensuring rights, subsidiary approach.*